

Европейские хроники

Европейское перевооружение разделяет Париж и Берлин

С началом войны на Украине страны ЕС ускорили наращивание своих военных бюджетов. Пока фрегаты миссии “Aspides” сбивали дроны в Красном море, Еврокомиссия представила свою стратегию развития европейской оборонной промышленности. Комиссар по вопросам внутреннего рынка, промышленной политики и обороны Тьерри Бретон заявил: *«Новая стратегия Комиссии направлена на содействие развитию существующей оборонно-промышленной базы Европы. Потому что если первые два года войны были войной поставок, то теперь мы вступаем в войну на истощение, а, следовательно, в войну промышленных мощностей»* (*La Croix*, 22 февраля). Вот ещё одно подтверждение мысли о том, что, вооружая Украину, Европа перевооружается и сама.

Однако предусмотренные стратегией 1,5 млрд евро до 2027 года остаются значительно ниже 100 млрд евро, запрошенных самим Бретоном. По данным *Financial Times* от 6 марта, сомнения относительно возможности контроля Еврокомиссией общих оборонных фондов усиливаются опасениями, что Брюссель *«захватит власть»*, а также сопротивлением *«консервативных в финансовом отношении»* стран-членов ЕС. И ещё неизвестно, снизит ли напряжённость между национальными, конфедеральными и федеральными властями возможное создание после европейских выборов должности комиссара обороны, предложенное в ходе избирательной кампании Урсулой фон дер Ляйен и её Европейской народной партией.

Франко-германские разногласия

Недавний разлад между Парижем и Берлином особенно подчеркнул трудности сотрудничества стран ЕС на территории, которая затрагивает основы суверенитета. Во время пресс-конференции по итогам международного саммита 26 февраля в Елисейском дворце, организованного с целью продемонстрировать безоговорочную поддержку Украины, на вопрос о возможности ввода туда войск Эмманюэль Макрон ответил, что *«ничего исключать нельзя»*. На следующий день Олаф Шольц ответил заявлением: *«Не будет ни войск на земле, ни одного солдата, ни из европейских стран, ни из стран НАТО»*. Из Вашингтона поступило аналогичное послание: не будет отправки боевых подразделений.

Заявления Макрона были мотивированы не только ходом войны, но и открытыми трениями с Германией. Особенно ясно это проявилось в его критике Берлина: *«Многие из тех, кто сегодня говорит “никогда, никогда”, – это те же самые люди, которые говорили “никогда, никогда танки, никогда, никогда самолёты, никогда, никогда ракеты дальнего действия”*. Затем Макрон высмеял предложение Германии двухлетней давности отправить на Украину *«спальники и шлемы»*, а на следующий день добавил, что европейцы не должны быть *«трусами»*.

В Елисейском дворце ясно дали понять, что президент Франции в настоящее время не имеет конкретного намерения отправлять войска, но хочет восстановить *«стратегическую двусмысленность»* в отношении России. Многочисленные комментаторы во французской и немецкой прессе, по сути, согласились с Макроном, хотя и раскритиковали ту форму, в которой он вынес этот вопрос на общественные дебаты. По мнению обозревателя *Les Échos* Доминика Моизи, *«намеренно провокационные фразы»* Макрона *«не отражают правильного понимания понятия сдерживания»*. Лучше было бы придерживаться поговорки *«чем меньше мы говорим, тем лучше»*, и поставлять Украине больше оружия и боеприпасов (*Les Échos*, 4 марта).

Дебаты о “Taurus”

Широко разрекламированные разногласия между Макроном и Шольцем совпали с мощной политической и информационной кампанией в Германии, целью которой было подтолкнуть социал-демократического канцлера одобрить поставку Украине крылатых ракет “Taurus”. Обладающее дальностью действия не менее 500 км и несущее 480 кг взрывчатки на борту, это оружие позволит украинским войскам поразить стратегический мост, соединяющий Россию с Крымом... или Москву.

Христианские демократы из ХДС/ХСС, а также две правительственные партии, входящие в коалицию с СДПГ (“зелёные” и либералы из СвДП), резко раскритиковали отказ Шольца. С другой стороны, в рядах СДПГ есть те, кто с энтузиазмом относится к идее иметь «канцлера мира». Они видят в нём электоральный потенциал, который на данный момент эксплуатируется крайне правой партией “Альтернатива для Германии” (АдГ) и на другом фланге – “Левой” и её осколком Союзом Сары Вагенкнехт (BSW). Последняя сочетает в своей риторике левые позиции в социальной политике и враждебность к иммигрантам; как и у АдГ, призыв к миру на Украине скрывает доброжелательность по отношению к России. Ведомство федерального канцлера отрицает, что руководствовалось подобными электоральными расчётами, и в доказательство указывает на то, что Германия оказывает вторую по величине поддержку Украине после США, значительно превосходя другие страны ЕС. Это заявление часто воспринимается в Париже как упрёк Франции в том, что она не делает достаточно для помощи Киеву. Поставка “Taurus”, оправдывается Шольц, потребует использования немецких солдат, а следовательно, будет означать пересечение красной линии и перехода к состоянию войны. Однако, по мнению одного из редакторов *Frankfurter Allgemeine Zeitung* Бертольда Колера, Шольц, категорически отказываясь посылать солдат и поставлять “Taurus”, чересчур чётко устанавливает свои красные линии. Он пишет (*FAZ*, 16 марта): «Не следует чётко объявлять пределы своих действий, тем самым облегчая противнику расчёт того, как далеко он может зайти без риска. Цель “стратегической двусмысленности” – усложнить это». Колер, однако, признаёт, что «осторожность» канцлера «уместна», поскольку речь идёт о «войне или мире».

ГЕРМАНИЯ ОБСУЖДАЕТ БОМБУ

«В случае необходимости должна ли Германия подумать в том числе о наличии собственного ядерного оружия?», – именно этот вопрос *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung (FAS)* задала председателю главной оппозиционной партии ХДС Фридриху Мерцу. Вот его ответ: «Два года назад мы и представить себе не могли то, о чём говорим сегодня. А сегодня мы не можем представить, о чём нам придётся говорить завтра» (*FAS*, 17 марта). Мерц сказал, что сначала он хотел бы провести «стратегический диалог» с Великобританией и Францией по вопросам сотрудничества в области ядерного сдерживания, и упрекнул канцлера Шольца за то, что тот не принял предложение Эмманюэля Макрона по этому вопросу. Однако в феврале в своём выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности канцлер Германии заявил, что с Францией и Великобританией ведутся переговоры о разработке «точного оружия [средней или большой] дальности». Военные эксперты прочли в этом заявлении желание разработать оружие средней дальности, которое потенциально могло бы быть оснащено ядерными боеголовками (*Süddeutsche Zeitung*, 19 февраля). По сообщению *Le Figaro*, в ходе этой конференции состоялись закрытые дебаты по вопросу «сдерживающей Европы». «На бумаге предложение британского ядерного зонтика кажется немцам более привлекательным», – оценивает *Le Figaro*, поскольку британское сдерживание, в отличие от французского, укладывается «в эксклюзивные рамки НАТО». Ни Лондон, ни Париж официально не отреагировали на «немецкие инициативы» в Мюнхене (*Le Figaro*, 17 февраля).

Ядерное сдерживание обсуждается в немецкой прессе на протяжении уже нескольких месяцев. Изучаются все варианты, которые позволили бы Германии компенсировать возможную эрозию гарантий безопасности со стороны США, не исключая даже возможности появления немецкой бомбы.

«Именно потому, что атомная бомба настолько ужасна, следует избегать того, чтобы она была в распоряжении только врагов», – написал 12 марта Николас Рихтер, редактор *Süddeutsche Zeitung* по вопросам парламентских отношений. Он сомневается, что Франция сможет гарантировать Европе надёжное сдерживание, учитывая, что «ни один глава французского государства не пожертвует Парижем ради защиты Вильнюса или Берлина». Скорее «возможность создания европейского щита» следует обсудить с Францией и Соединённым Королевством. Этот вариант чаще всего цитируется в немецкой прессе, но он далёк от того, чтобы стать общим консенсусом.

В статье под названием “Страх перед собственной бомбой” *FAS* от 25 февраля видит недостатки как в создании европейского оружия, так и в европеизации французского

сдерживания, и называет два пути, которые позволили бы Германии вооружиться своей бомбой. Первый предлагают политологи Кристиан Хаке и Максимилиан Терхалле, и он связан с закупкой американских ядерных боеголовок. Второй путь – создание отечественной бомбы. По словам анонимного источника, тот факт, что в стране уже есть достаточные запасы урана и мощности для производства центрифуг, необходимых для его обогащения, позволяет предположить, что на создание немецкой бомбы потребуется «от трёх до десяти лет». Другие оценки предполагают значительно более близкие сроки.

Так, физик Дирк Эйдемюллер объясняет в *Die Zeit*, что Германия уже имеет некоторые мощности, необходимые для создания бомбы, и перечисляет два варианта сделать это. Первый предполагает создание ядерного оружия, начиная с обогащения урана-235: для этой цели можно было бы использовать центрифуги на полигоне Гронау, недалеко от Мюнстера (земля Северный Рейн-Вестфалия). Второй вариант – начать с плутония-239: для этого подойдёт научно-исследовательский реактор в Гархинге (Бавария), а процесс получения сырья, необходимого для создания ядерной боеголовки, займёт «всего несколько недель» (*Die Zeit*, 22 февраля). Однако сам Эйдемюллер считает, что есть веские причины отказаться от создания немецкой атомной бомбы.

Йозеф Иоффе, бывший редактор, а ныне обозреватель газеты *Die Zeit*, придерживается того же мнения. По его словам, сворачивание гражданской ядерной энергетики означает, что у Германии больше нет возможностей для создания атомного оружия. Идея немецкой бомбы «смехотворна», поскольку она превратит Германию в «изгоя среди демократических государств, нарушив священные договоры». И дружественные, и вражеские страны восстанут против Германии, которая снова окажется в ситуации, которой следует избегать: «Одна в деликатной центральной позиции». Иоффе считает, что «ядерное оружие сделает страну не более, а менее защищённой»: Берлину лучше сконцентрироваться на обычном перевооружении. Чтобы поддержать эту линию, еженедельник опубликовал на своей первой полосе вопрос «Сколько стоит мир?» и высказался за увеличение военного бюджета до 2 % ВВП или даже больше, даже если это означает сокращение социальных расходов (*Die Zeit*, 29 февраля).

Март 2024 г.